DOI: 10.17976/jpps/2019.04.05

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ЯПОНИИ

Т. Иногути

ИНОГУТИ Такаси, специальный профессор-исследователь, Институт азиатских культур, Университет им. Дж. Ф. Оберлина; почетный профессор, Токийский университет, Токио, Япония, email: inoguchi@obirin.ac.jp

Иногути Т. Развитие политической науки в Японии. – Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 57-68. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.05

Статья поступила в редакцию: 10.10.2018. Принята к публикации: 26.12.2018

Аннотация. Статья представляет собой журнальный вариант перевода с японского языка шестой главы монографии Т. Иногути "Политическая теория" (Иногути Т. Сэйдзи рирон. Токио: Минерва, 2015: 猪口孝。政治理論。猪口孝編者。東京: みねるわ原書房2015. С. 143-158]). Автор выявляет основные течения японской политологии второй половины XX в. – начала XXI в., а также анализирует ее методологические подходы. Он останавливается на ключевых вопросах, стоящих перед японской политической мыслью: в чем секрет западных демократий, достигших больших успехов благодаря поддержанию свобод и концентрации богатств? в чем причина зависимости японской политики от бюрократии? почему партийная принадлежность кандидатов на выборах мало сказывается на электоральном поведении японцев? как политика и экономика переплетаются в принятии конкретных политических решений? Иногути описывает три главных тренда, которые появились в первой четверти наступившего века. К ним относятся: 1) историзация нормативных и институциональных истоков японской политики; 2) рассмотрение японской политики в сравнительной перспективе и 3) создание теорий. Автор указывает на влияние американских методов исследования и политологических журналов, проводит анализ специфики японской политологии по сравнению с западной, выделяет факторы, определяющие высокую степень оригинальности и самостоятельности японской политологии, прежде всего – силу традиции и лингвистические особенности японской политической мысли.

Ключевые слова: политология, Япония, США, традиции, политологические журналы, сравнительная политика, международные отношения.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПОЛИТОЛОГИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКОЙ?

Японская политическая наука. Тема японской политики, вероятно, для большинства японских политологов представляет собой такую тему, которую им трудно воспринимать отстраненно. Поэтому, когда Японская ассоциация политической науки *(JPSA)* просит своих членов отметить в опроснике три области, наиболее соответствующие их специализации, из списка, куда входят политическая теория, политические процессы, сравнительная политика, публичная политика, международные отношения и их подразделы, большинство японских политологов обычно не выбирает японскую политику как сферу своих научных интересов. Так, численность тех, кто считает для себя приоритетной японскую политику, составляет примерно 120 человек, тогда как общее число членов *JPSA* достигает двух тысяч. Если взять в качестве примера самого автора, то он выбрал такие области, как политическая теория, сравнительная политология (Восточная Азия) и международные отношения.

Нам, японским политологам, свойственно анализировать темы, принадлежащие к разным областям политологии, на основе данных, относящихся к близким

для нас отечественным политическим реалиям. Характеризуя японскую политическую науку, трудно полагаться только на официальную типологию областей научного знания, базирующуюся на информации этой науки о самой себе. Это может привести к крупным ошибкам, и я избрал традиционный способ выявления тенденций, определения областей, предметов и методов, обращаясь в качестве иллюстраций к публикациям, которые находятся в русле новых тенденций исследователей – членов *JPSA*. Такой подход можно обвинять в "импрессионизме". Я принял во внимание возможную критику, начав учитывать индикаторы, такие как *Google Scholar* и его аналоги – *JSTOR* и *CiNii*. В этой статье анализ, доведенный до нынешнего времени, сфокусирован прежде всего на последней четверти XX в.

Такой выбор продиктован двумя причинами. Во-первых, это высшая точка развития японской политической науки, в подлинном смысле время "расцвета ста цветов и полемики ста школ". И даже этот непродолжительный период в четверть века дал значительное количество выдающихся работ. Во-вторых, стала популярной тема ретроспективного анализа японских политических практик, норм и институтов с учетом максимально широкого исторического контекста. Таким образом, исторические работы по японской политической науке так или иначе оказываются в поле зрения в связи с этой темой.

Стэнли Хофман в свое время [Hoffmann 1987 (1977)] задавался риторическим вопросом: "Является ли теория международных отношений американской общественной наукой?". И стандартным ответом было: "Да, это так, по крайней мере на протяжении второй половины XX в." Такой же вопрос следует поставить и относительно политической науки. Он может звучать так: "Определяется ли политическая наука американскими учеными?" И ответ на него будет: "Да, определенно это было так во второй половине XX в."

Нельзя отрицать, что и по количеству, и по разнообразию тем, и, как многие считают, по качеству американцы лидируют в области политической науки по сравнению с другими странами. Подобно тому, как Мидленд в штате Техас взрастил Джорджа У. Буша и Томми Фрэнкса и таким образом повлиял на войну США в Ираке, можно утверждать, что Энн-Арбор[1] в Мичигане, бесспорно, сформировал в США квинтэссенцию политической науки. Фирменным знаком американской политологии стало триединство академического профессионализма, жесткого позитивизма и внушительной методологической базы [Gunnell 2004; Easton et al. 1995; Oren 2013].

Положение в политологических журналах других стран. В журналах по политической науке за пределами США нетрудно различить проникающее влияние американских парадигм и авторов. Достаточно лишь взглянуть на универсальную и всеобъемлющую практику цитирования, а также простой и ясный стиль публикаций. По словам политолога из Корнельского университета (Итака, США) Бенедикта Андерсона, американская академическая литература нацелена на узкий профессиональный круг, а для остальных ее стиль скучен [Андерсон 2009: 242]. В других странах можно наблюдать и устойчивую неамериканскую практику цитирования.

До сих пор принято выделять так называемые три стадии цитирования на протяжении академической карьеры ученого. Обычно в начале своей научной деятельности исследователь стремится стать большим ученым, и это порой выра-

[1] Центр исследований опросов общественного мнения Мичиганского университета (Энн-Арбор) дал миру совокупность идей и подходов, используемых с 1952 г. в исследованиях электората. В Мичиганском университете также преподавал поэт И. Бродский. (*Прим. перев.*)

жается в слишком частом цитировании великих мыслителей. В средний период, когда ученый уже обретает уверенность и авторитет (по крайней мере в своей узкой области исследований), он начинает беззастенчиво ссылаться на свои собственные работы. В завершающий период карьеры множество вещей кажутся ученому самоочевидными, и он, как правило, прекращает цитировать как чужие, так и собственные работы. Иными словами, цикл, состоящий из этапов активного цитирования других авторов, самоцитирования и отсутствия цитирования, представляет собой универсальный принцип, наблюдаемый в практике цитирования повсеместно. Беглый взгляд на мои собственные работы, изданные за последние тридцать лет после получения докторской степени, позволяет сделать вывод, что я неосознанно – и поэтому с пугающей неотвратимостью – прохожу три стадии этого цикла и в настоящее время, очевидно, двигаюсь от второй в направлении третьей[2].

Но у американцев все по-другому, и они составляют исключение. По замечанию одного из крупнейших политологов Питера Катценштейна[3], им удалось преодолеть эту закономерность, связанную с тремя стадиями цикла.

Несчетные системы анонимного рецензирования плюс применение в социальных науках индексов научного цитирования (*SCI*), влияющих так или иначе на получение более высоких зарплат, должностей и повышение статуса, дисциплинируют американских политологов настолько, что они преодолевают искушение этого распространенного трехступенчатого цикла.

Так же как *Google* с устрашающей последовательностью завоевывает господствующие позиции на информационном поле, академический мир становится все более унифицированным в силу того, что в разных странах заимствуется американский стиль научных работ. Одновременно с этим предмет и содержание исследований в различных странах также постепенно трансформируются. Автор прослеживает тренды развития политологии в Японии, причем внимание сфокусировано на ключевых проблемах, стимулирующих исследователей к поиску новых решений. При этом рассматривается, как они формулируют предмет исследования и как они оформляют научный аппарат, на который опирается анализ.

Развитие политической науки в Японии в 1975-2000 гг.

Ведущий японский политолог третьей четверти XX в. Маруяма Масао [Маруяма 1964 (1946)] утверждал, что безоговорочная капитуляция Японии перед силами союзников во главе с США подготовила почву для формирования политической науки в стране. Он способствовал развитию еще незрелой политологии Японии наиболее действенным способом, выдвинув на повестку дня два принципиальных вопроса:

В чем состояла ошибка Японии, которая достигла прогресса, став в 1930-1940-е годы “богатой страной с сильной армией” благодаря “духу просвещения и предпринимательства”?

В чем секрет западной демократии, добившейся успеха в деле поддержания свобод и концентрации богатств?

Размышления над этими вопросами были естественным делом для японских специалистов, и многие из них, особенно эксперты в области политической теории, сконцентрировали усилия, с одной стороны, на анализе со-

[2] Сайт Иногути Такаси (http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~inoguchi).

[3] Из личных бесед автора с П. Катценштейном, состоявшихся во время ежегодной конференции Ассоциации азиатских исследований в Сан-Диего, 22-25 марта 2006 г.

временной истории Японии, а с другой – на изучении западной философии. Маруяма считал, что методы, которыми японские лидеры выстраивали политическую систему, и их политическая линия были ошибочными, побуждал сограждан к признанию этих ошибок и поиску лучшей модели политической системы. Эти работы были рассчитаны исключительно на внутреннюю аудиторию и нередко непосредственно влияли на политический курс.

В последней четверти XX в. страна достигла благосостояния, успехом увенчались демократические преобразования, общество обрело уверенность в себе, укрепилась убежденность в том, что Япония не будет вести войн, и ее солдаты не будут гибнуть на поле боя. Японские политологи переключили внимание на собственную политическую систему, и в новом контексте на передний план выдвинулись следующие вопросы. Почему бюрократия оказывает столь большое влияние на японскую политику? Почему в Японии сложилась система одной доминирующей партии, а японские избиратели во время выборов демонстрируют столь слабую приверженность партийной принадлежности кандидатов? Как политика и экономика переплетаются при выработке политического курса и отражаются на электоральном поведении?

Поскольку японские политологи склонялись к тому, что Япония стоит особняком среди западных демократий, они с самого начала рассматривали ее проблемы в критически уничижительном ключе. В конце XX в., с окончанием холодной войны, они стали отдавать предпочтение компаративистике. В связи с этим заслуживают внимания две инициативы. Команда из четырех человек (Мурамацу Митио, Отакэ Хидэо, Кабасима Икуо и Иногути Такаси) с 1987 г. начала издавать на японском языке журнал "Левиафан" ("Рэвайасан"). В основе методологической концепции журнала лежит позитивистский подход, а большая часть его контента сфокусирована на анализе японских реалий. После десяти лет работы основателей журнала им на смену пришла новая команда редакторов, спустя еще десятилетие передав эстафету следующему редакторскому составу. Естественно, что с течением времени изначальные установки и методы исследований претерпевали изменения. Связанные с журналом исследователи получили наименование "группа Левиафана".

Примерно в этот же период, в 1984 г., на базе издательства Токийского университета стартовал проект издания 20-томной "Библиотеки современной политической науки" под общей редакцией Иногути Такаси. Направленность и тематика издания в значительной степени позитивистские, к тому же оно снабжено критическими комментариями[4]. Изучающие политологию в Японии используют эту серию и поныне как настольное справочное издание. (Кроме того, оно было переведено на китайский. Примечательно, что его выпуск начался в Китае в 1989 г. сразу после событий на площади Тяньаньмэнь.) Поскольку Япония выступала там объектом анализа равновесно с другими странами, можно считать, что его выход ознаменовал собой учреждение в стране сравнительной политики как самостоятельной дисциплины.

На протяжении последней четверти XX в. нарастала третья волна демократизации. Японские политологи начали с более пристальным вниманием

[4] Названия томов "Библиотеки": "Государство и общество", "Управление", "Политическая система", "Революция", "Электоральное поведение", "Политическое участие", "Социальная стратификация и политика", "Идеология", "Общественный выбор", "Публичная политика", "Политический процесс", "Законодательный процесс", "Политические партии", "Группы интересов", "Локальная автономия", "Бизнес и государство", "Война и мир", "Международная взаимозависимость", "Мировая система", "Внешняя политика".

изучать демократические страны Восточной и Юго-Восточной Азии, исходя из новой интерпретации критериев общности и различий, а также учитывая их культурный и исторический контекст [Inoguchi 1993-1994; Inoguchi, Carlson 2006]. Читательская аудитория этих работ стала более разношерстной, а их стиль начал более походить на американский: он стал более формальным и логичным, даже слегка скучноватым – без разбавления шутливыми замечаниями и отступлениями. В связи с тем, что поддержание мира и укрепление благосостояния обрели в Японии реальные контуры, отечественные политологи стали адресовать свои книги и зарубежному читателю, несмотря на то, что большая их часть написана на японском языке.

Принимая во внимание изолирующую функцию японской языковой специфики, надо отметить значительную степень автономности японских ученых (в том смысле, что они нечасто используют английский язык при написании своих трудов). Обширный внутренний рынок обеспечивает для их работ надлежащую читательскую аудиторию. Благодаря этому японские политологи находятся в качественно иных условиях по сравнению с учеными, живущими в странах с незначительным книжным рынком, таких как Корея, Дания или Нидерланды. Однако одновременно с ростом интереса к Японии, символом которого стала книга Эзры Вогела "Япония как номер один" ("*Japan as Number One*"), ряд политологов выпустил книги, посвященные японской политике, на английском языке (к их числу принадлежат Като Дзюнко, Цудзинака Ютака, Коно Масару, Муромацу Митио и Кисима Такако).

Эта тенденция становится очевидной, если взглянуть на журналы и энциклопедические издания. Так, "Ежегодник политической науки" ("Нэмпо сэйдзигаку"), основанный в 1955 г. Японской ассоциацией политической науки, специализировался на западной философии и истории Японии, а "Левиафан" – прежде всего на японской политике и все более на сравнительной политике, используя понятия и методы, задаваемые американской политологией.

"Японский журнал политической науки" *(Japanese Journal of Political Science)* основан Иногути Такаси в 1999 г. и выходит на английском языке в издательстве *Cambridge University Press*. Костяк его редколлегии состоит из представителей первого поколения "Левиафана", которые, чтобы избежать риска быть названными "азиатским гетто" или провинциальным клубом, в центр внимания поставили специфику японской и восточноазиатской политики в сравнительной перспективе, придерживаясь строгой позитивистской ориентации. Журнал считают престижной площадкой для научного продвижения, особенно в США (его импакт-фактор в 2017 г. составил 0,508[5], что обеспечило ему ведущее место за пределами англосаксонского мира).

Журнал "Сэнкё кэнкю" ("Электоральные исследования") – одно из основных изданий Японского общества исследования выборов, проводящего наиболее полный эмпирический анализ японских выборов.

Один из ведущих журналов Японской ассоциации международных исследований "Кокусай сэйдзи*"* ("Международная политика") публикует статьи по внешней политике Японии, мировой политике (другим регионам мира и международным проблемам) и теории международных отношений (ТМО). В этой

[5] *Japanese Journal of Political Science. – Official cite.* URL: https://www.cambridge.org/core/journals/japanese-journal-of-political-science/information/impact-factor (accessed 19.05.2019). С 1 января 2019 г. журнал возглавили Кристина Дэйвис из Гарвардского университета и Като Дзюнко из Токийского университета (*прим. перев.*).

последней области японские политологи во второй половине XX в. проявляли усердие в избирательном усвоении американских ТМО. Еще один значимый журнал Японской ассоциации международных исследований – *International Relations of the Asia Pacific* – начал выходить в 2000 г. в Издательстве Оксфордского университета. Он стремится войти в число высокорейтинговых журналов по проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона (в 2018 г. его импакт-фактор составлял 0,500[6], что позволяет ему выглядеть вполне достойно по сравнению с аналогичными изданиями)[7].

Если посмотреть на энциклопедические издания, то в 1999 г. под редакцией Иногути вышла 500-страничная "Энциклопедия японской политической науки" (издательство Кобундо), охватывающая период с 1975 по 2000 гг., а в 2005 г. – "Энциклопедия международной политики". Они предшествовали выходу двух больших энциклопедий – *The Oxford Handbook of Political Science* (Oxford University Press) под редакцией Роберта Гудина и *The International Encyclopedia of Political Science* (Издательство *Sage*[8]) в восьми томах под редакцией Бертранда Бади, Дирка Берк-Шлоссера и Леонардо Морлино. Первое из них – первоклассная общедоступная энциклопедия политической науки. Хотя ее основные авторы пишут и преподают в рамках англоязычной аудитории, она прекрасно покрывает все направления политологии от древности и современности до постсовременности, нормативные и эмпирические, дескриптивные и формалистические и т.д. Второе издание – это глобальная и инклюзивная энциклопедия, уделяющая пристальное внимание культурным и историческим особенностям и философскому плюрализму. В сравнении с этими двумя энциклопедиями японские издания имеют специфику – число тем в них значительно, но статьи более лаконичные. Это однотомные издания, тогда как мировые энциклопедии состоят из нескольких компактных томов.

Сравнение с Южной Кореей и Китаем. Японская политология является в большей степени местным продуктом, чем южнокорейская и китайская. Во-первых, в Японии издавна существовала традиция избирательного заимствования, переработки и адаптации продуктов западных социогуманитарных наук. Во-вторых, без особой надобности представители элит не отправляли своих детей в зарубежные университеты. Таким образом, если многие китайцы и корейцы обучаются, преподают и пишут работы за границей, японские политологи редко преподают и публикуются за пределами своей страны. Кроме того, те, кто получил степень в зарубежном университете, как правило, возвращаются в Японию и там продолжают свои исследования, преподают и издают свои труды. Как и большинство возвратившихся на родину корейских политологов, они редко публикуются на английском языке – вернувшись в "свою деревню", они следуют ее обычаям. (Тем не менее такие авторы, как Като Дзюнко, Кисима Такако, Коно Масару, Цудзинака Ютака, Мурамацу Митио издали книги по японской политике на английском языке.)

[6] *International Relations of the Asia Pacific.* URL: https://academic.oup.com/irap/ (accessed 19.05.2019). Главный редактор Иида Кэйсукэ (*прим. перев.*).

[7] В периодике по международным отношениям нельзя не отметить журнал "Кокусай мондай" ("Международные проблемы"), который издается Японским институтом международных проблем (Кокусай мондай кэнкюдзё, *JIIA*), возглавляемым Сасаэ Кэнитиро (*прим. перев.*). URL: http://www2.jiia.or.jp/BOOK/ (accessed 19.05.2019).

[8] Издательство *Sage* выпускает самый молодой журнал в сфере японской политологии. – *Asian Journal of Comparative Politics.* URL: https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/journal/asian-journal-comparative-politics (accessed 19.05.2019). Главный редатор Иногути Такаси (*прим. перев.*).

Ряд трудов связаны с иными сферами помимо японской политики. Самые заметные из них – Сирариси Такаси и Каратани Рэйко об индонезийской и британской политике, соответственно, Фукуды Арихиро по политической философии, Судо Суэо – об отношениях Японии со странами Юго-Восточной Азии и Синоды Хидэаки о государственном суверенитете. При этом объединяющее и вдохновляющее влияние на политологию в 1975-2000 гг. оказывала группа, стоявшая у истоков "Левиафана".

Развитие политической науки в Японии в 2000-2015 гг.

Приход XXI в. выявил новые тенденции в японской политологии. К ним относятся следующие: 1) исторический подход к нормативным и институциональным истокам японской политики; 2) анализ японской политики в сравнительной перспективе и 3) новая волна саморефлексии, стимулирующей сбор данных и создание теорий.

Историзация японской политологии. Выдающийся представитель японской политической науки послевоенного периода Маруяма Масао в 1946 г. декларировал [Маруяма 1964 (1946)], что в Японии не существовало заслуживающей какого-либо обсуждения традиции политической науки. Я позволю себе скромно возразить против этого высказывания и некритических оценок политической науки Японии, поскольку игнорируются многие работы, написанные до 1945 г., и возникает ощущение безразличия к истории. Занимавший в 1930-1940-х годах пост профессора политологии Токийского императорского университета Рояма Масамити, который был отстранен от должности оккупационным властями, в своей работе "Развитие современной политической науки в Японии" [Рояма 1949] оспаривал утверждение Маруямы Масао. Аргументация Маруямы напрямую связывала тип политического режима с развитием научной сферы, причем он высказывался столь категорично, поскольку лично испытал ущемление свободы в 1940-х годах. Поэтому он повторял, что "там, где нет свободы слова, нет и политической науки". Рояма же настаивал на том, что даже до 1945 г. в Японии существовал широкий спектр политологических трудов, ссылаясь на исследования Онодзуки Кихэйдзи (1903) и др. При этом, возможно, Рояма упустил из виду ряд серьезных работ по истории политической философии, принадлежащих ученым, которые преподавали в негосударственных университетах, таких как Васэда и Тюо [Inoguchi 1993-1994][9]. В то время как профессура Токийского университета, находясь в русле государственнической науки, была склонна сосредотачивать свое внимание на роли конституции и институционального развития, профессура частных университетов отдавала приоритет нормативным политическим теориям и эмпирическим исследованиям политических акторов и институтов в соответствии с традицией независимых общественных деятелей 1880-х и 1890-х годов, политиков и ораторов, таких как Инукаи Цуёси, боровшихся с так называемым надпартийным кабинетом демократии Тайсё [Banno 1995; Банно 1996]. Проще говоря, императорские университеты представляли больше интересы бюрократии, а частные университеты были школой для оппозиционных политиков в парламенте. Эта деталь осталась незамеченной как Маруямой Масао, так и Роямой Масамити.

[9] См. лекцию Митани Таитиро "Школа политической мысли Университета Тюо в предвоенный период", прочитанную на факультете права Университета Тюо 12 марта 2005 г. [Утида 2007].

Также вне их поля зрения остались нормативные философские трактаты XVII-XVIII вв., созданные в период сегуната Токугава по заказу властителей. Политическая система, получившая название *бакухан*, объединяла около трехсот относительно автономных княжеств, которые в то же время в определенной степени подчинялись центральному правительству наподобие федерации. Центральное правительство отвечало за оборону, дипломатию, внешнюю торговлю и безопасность страны, а местные правительства занимались внутренней политикой и выполняли некоторые функции, возложенные на них центральным правительством, в частности такие как рекрутирование рабочей силы для строительства объектов инфраструктуры и государственная служба в центральном аппарате.

В этой ситуации княжества имели две отличительные черты: финансовую самостоятельность и управленческую инклюзивность. Соответственно, она породила политических философов, которые высказывали идеи неотъемлемой связи между управляющими и управляемыми. Это можно назвать зачаточной формой демократии, зарождавшейся внутри авторитарного сословного общества, в котором сословие самураев обладало абсолютным правом высказывать свое мнение [Inoguchi 2005; Иногути 2010].

Япония в сравнительной перспективе. Если в конце XX в. наблюдался крен в сторону исследований в области политической науки, то в первое десятилетие XXI в. появилось много сильных компаративистских исследований. Этот тренд противоположен равнению на западную политическую философию. Можно сказать, компаративисты вернулись, причем большинство из них были уже не философами и не теоретиками, а продолжали традиции эмпиризма, бихевиоризма или институционализма. Рационалисты или теоретики рационального выбора едва заметны.

Более того, терминология сравнительных исследований претерпела явные изменения. Осмысление новых проблем, обретающих ключевую роль, повлекло за собой создание соответствующих концептов. К их числу относятся понятия: “гражданин”, “глобализация”, “демократия”, “мир”, “государство”, “бюрократия”, “НПО”, “политические партии”, “парламент” и т.д. В последней четверти прошлого века различные авторы анализировали идеи тех или иных философов, а затем читатели пытались их сравнивать. В XXI в. терминология сравнений стала более системной и менее японоцентричной. Одновременно в области методологии исторический нарратив в сравнительных исследованиях стал уступать место более аналитическому подходу. Приведем репрезентативные примеры. Масуми Дзюнносукэ в “Сравнительной политике” [Масуми 1990-1993] мастерски сопоставлял и демонстрировал контрастирующие аспекты форм правления в Азии, Америке и Европе, обращаясь к страновым кейсам. В отличие от него Джин Блондель и Иногути Такаси [Blondel, Inoguchi 2006; Inoguchi, Blondel 2008] в трудах по сравнительной политической культуре исследуют девять азиатских и европейских стран с идеалтипическими признаками на базе кросснациональных социологических опросов. По своему стилю и читательской аудитории сравнительные исследования XXI в. в Японии явно отличаются от работ конца XX в., они все сильнее приближаются к американским: стали более ясными, четкими, более систематизированными, эмпирическими и более профессиональными. Однако нетрудно заметить, что многие компаративистские японские исследования обладают особенностями, отличающими их от американских. Они менее насыщены специальной полито-

логической терминологией и концептами американского происхождения, они не претендуют на инновационность подходов, хотя и признают их необходимость, порой при этом упуская из виду важные сигналы.

Внимание политологов все больше привлекали такие сферы компаративного исследования, как электоральные системы и их результативность, эффективность политики, специфика групп интересов, стилей жизни. Среди типичных примеров можно назвать сравнительный анализ публичной политики – Като Дзюнко [Kato 1994, 2003], групп интересов – Цудзинака Ютака [Цудзинака 2002], гражданских культур – Ёсиаки Кобаяси [Kobayashi 2000], массмедиа и их влияния на политическое поведение – Икуо Кабасимы [Kabashima, Popkin 2007; Kabashima, Steel 2010], отношения граждан к государству Иногути Такаси [Blondel, Inoguchi 2006; Globalisation, Public Opinion... 2007], ценностей, норм и стилей жизни на основании опросов, проводимых в рамках проекта *Asia Barometer* Иногути Такаси [Inoguchi et al. 2005, 2006, 2008, 2009]. Яркими чертами компаративистики можно считать склонность к созданию баз данных и привлечение к этому зарубежных коллег.

Что касается концептуальных ракурсов и методологических подходов, в которых проявляется японская специфика, то один из ключевых выводов социологического исследования демократии в 18-ти странах базируется на строгой обоснованности, в отличие от нарративной аргументации теорий "азиатских ценностей" или "хороших граждан Европы" [Blondel, Inoguchi 2006, 2008]. В частности, было показано, что межрегиональные различия (между Европой и Азией) не столь ярко выражены, как внутрирегиональные различия (т.е. различия в рамках каждого из регионов). Аналогичен и итог исследования качества жизни в странах Восточной Азии на основании сравнения ответов западных респондентов о качестве своей жизни с ответами в странах с конфуцианской составляющей культуры [The Quality of Life... 2009].

Создание импульса для крупномасштабного сбора данных. Одновременно с мировыми трендами информатизации и глобализации началось формирование общества знания, и нормой стала доказательность решений и аргументов. Эти трансформации неизбежно придали импульс поиску новых эмпирических данных и их применения в академическом анализе и при принятии политических решений. Политическая наука в Японии не исключение. Когда объектом исследования выступают нормативные классические теории, не возникает потребности в сборе данных и создании соответствующей инфраструктуры. Когда же в центре внимания оказывается конкретная японская политика, сбор данных и создание соответствующей инфраструктуры не составляет проблемы, поскольку в этом случае сбор данных проводится правительственными агентствами и медийными средствами – центральными газетами и телевизионными каналами. Но когда встает задача сравнить данные, то сразу выясняется, что помимо общедоступной информации необходимо получить собственные данные, соответствующие концептуальным и методологическим принципам конкретного исследования и глубине научного интереса.

Тем не менее исследовательская инфраструктура формируется слишком медленно. Во-первых, потенциал университетов развивается прежде всего в таких областях, как естественные науки, медицина, технологии, и в меньшей степени в социогуманитарных науках. Кроме того, большинство ученых – представителей естественных, а порой и гуманитарных наук – недооценивают задачи

финансирования крупных проектов в области гуманитарных и социальных наук, придерживаясь анахронического взгляда, будто для исследователей в этой сфере достаточно бумаги и карандаша. Во-вторых, представители социогуманитарных наук слишком разобщены и непостоянны, чтобы объединить свои усилия. Они разрозненны из-за того, что академическое деление на кампусы не способствуют формированию подобной институциональной инфраструктуры, сквозной для различных дисциплин. Непостоянны они потому, что финансовые ассигнования и гранты в течение года строго нормированы, а финансирование исследовательских проектов ограничено сроком от одного до трех лет в соответствии с политикой Министерства науки и образования и Японского общества поддержки науки (*JSPS*). Все же в 2000-х годах поддержка проектов сдвинулась с мертвой точки.

Наибольшего внимания заслуживают следующие исследования, связанные с масштабным сбором данных: анализ взаимоотношений граждан и государства в странах Европы и Азии [Blondel, Inoguchi 2008], сравнение ценностей, норм и образа жизни в 29-ти азиатских государствах (Иногути и др. – с 2005 г.), специфики групп интересов в индустриальных демократиях (Цудзинака – с 2002 г.), гражданской культуры в различных странах мира (Кобаяси – с 2000 г.). Для того чтобы сделать данные этих проектов доступными для широкого круга пользователей, были созданы такие институции, как Архив данных по социальным наукам (на базе Института социальных наук Токийского университета), Архив опросов *Asia Barometer Survey* (на базе Института восточной культуры Токийского университета и Университета префектуры Ниигата), Архив сравнительных данных по группам интересов (Университет Цукуба), Архив данных по сравнительной гражданской культуре (Университет Кэйо). Тем не менее, в Японии сбор данных происходит заметно медленнее и на менее стабильной основе, чем в США и Европе, хотя нельзя не видеть значительных улучшений в этой сфере.

Некоторые выводы

Автором была поставлена задача оценить характер японской политической науки, обусловленный меняющимися условиями, в которых развивается японское политологическое сообщество. Какова же роль американской науки в развитии японской политологии? Ее роль – концептуальная. Заокеанская политическая наука предоставляет Японии хорошие базовые ориентиры. Между тем количество сессий, организуемых на ежегодных международных конференциях политологами, не являющимися американцами, бесспорно, растет. Однако более важно то, что ученые из других стран вынуждены "втискивать" свою рефлексию и научное творчество в рамки американских стандартов, а также включаться в профессиональную конкуренцию с ними. Отметим, что политическая наука в США небезразлична к тому, что происходит где бы то ни было. Ее влияние распространяется далеко за пределы страны. Также она служит закреплению в мире модели демократии североамериканского толка [Cox, Ikenberry, Inoguchi 2000; Oren 2013].

Если же мы внимательнее посмотрим на стиль и читательскую аудиторию отечественных политологов, то отчетливо увидим влияние глобализации в виде американизации, что проявляется и в стиле цитирования, правилах оформления справочного аппарата, использовании гиперссылок вместо национальной системы цитирования и т.д. Однако доминирование американского влияния не столь тотально, как это может показаться. Объем чита-

тельского рынка, традиции и языковая специфика подталкивают японских политологов к большей автономии в мыслях и творчестве. Значительный масштаб читательского рынка побуждает их писать преимущественно на японском языке. Эта прочная традиция японской политологии приводит исследователей к более глубокой саморефлексии и интроспекции, укрепляя их автономию. Ограниченный потенциал издания трудов на английском языке, однако, тормозит тиражирование их идей и текстов за пределами страны.

(Перевод с японского С. Чугрова)

DOI: 10.17976/jpps/2019.04.05

THE DEVELOPMENT OF POLITICAL SCIENCE IN JAPAN

T. Inoguchi[1]

[1]*J.F. Oberlin University. Tokyo, Japan*

INOGUCHI, Takashi, Eminent Scholar-Professor, Institute of Asian Cultures, J.F. Oberlin University; Professor Emeritus, University of Tokyo, email: inoguchi@obirin.ac.jp

Inoguchi T. The Development of Political Science in Japan. – Polis. Political Studies. 2019. No. 4. P. 57-68. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.05

Received: 10.10.2018. Accepted: 26.12.2018

Abstract. The article is a journal version of the 6th chapter in *Political Theory* by a prominent Japanese political scientist Inoguchi Takashi (Inoguchi Takashi. *Seiji riron*. Tokyo: Minerva, 2015. P. 143-158). The author identifies the key trends of Japanese political science in the second half of the twentieth century and a range of topics, and also analyzes its methodological approaches. He dwells on the main questions facing the Japanese thought. In particular, he asks what the secret of Western democracies that have achieved great success by maintaining the concentration of wealth and freedom is. Why does the Japanese policy depend on bureaucracy? Why do party affiliations of electoral candidates have little effect on the voting behavior of the Japanese? How are politics and economics intertwined in the adoption of specific policies? Inoguchi identifies three major trends that emerged in the first quarter of the new century. These include: 1) the historical approach to the regulatory and institutional origins of Japanese politics; 2) consideration of Japanese policy in a comparative perspective, and 3) newly intensified self-reflection, focused on data collection and the elaboration of theories. The author points to the serious influence of American research methods and political science journals, analyzes the specifics of Japanese political science as compared to Western ones, and identifies factors that determine the high degree of originality and independence of Japanese political thought, primarily the strength of its traditions and linguistic features.

Keywords: political science, Japan, USA, traditions, political science journals, comparative politics, international relations.

References

Banno J. 1995. *The Establishment of Japanese Constitutional System*. London: Routledge.

Blondel J., Inoguchi T. 2006. *Political Culture in Asia and Europe*. London: Routledge.

Cox M.G., Ikenberry J., Inoguchi T. 2000. *American Democracy Promotion*. Oxford: Oxford University Press.

Easton D. et al. 1995. *Regime and Discipline: Democracy and the Development of Political Science*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Hoffmann S. 1987 [1977]. An American Social Science: International Relations. – *Daedalus*. Vol. 106. No. 3. Discoveries and Interpretations: Studies in Contemporary Scholarship. Vol. I. P. 41-60. URL: http://www.jstor.org/stable/20024493?origin=JSTOR-pdf (accessed 02.06.2019).

Globalisation, Public Opinion and the State: Western Europe and East and Southeast Asia. 2007. Ed. By T. Inoguchi, I. Marsh. London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203935019

Inoguchi T. 1993-1994. *The East Asian States and Societies Library*. 6 vol. Tokyo: University of Tokyo Press.

Inoguchi T. 2005. *Japanese Politics: An Introduction*. Melbourne: Trans Pacific Press.

Inoguchi T., Blondel J. 2008. *Citizens and State: Attitudes in Western Europe and East and Southeast Asia*. London: Routledge.

Inoguchi T., Carlson M. 2006. *Governance and Democracy in Asia: Modernity and Identity in Asia*. Melbourne: Trans Pacific Press.

Inoguchi T. et al. 2005, 2006, 2008, 2009. *Human Beliefs and Lifestyles in Asia*. Mexico City: Siglo; Tokyo: Akashi Shoten.

Gunnell J.G. 2004. *Imagining the American Polity: Political Science and the Discourse of Democracy*. Pennsylvania State University Press.

Kabashima I., Popkin S. 2007. Changing Media, Changing Politics. – *Japanese Journal of Political Science*, Vol. 8, Issue 1. P. 1-6.

Kabashima I., Steel G. 2010. *Changing Politics in Japan*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Kato J. 1994. *The Problem of Bureaucratic Rationality: Tax Politics in Japan*. Princeton: Princeton University Press. https://doi.org/10.1177/017084069601700312

Kato J. 2003. *Regressive Taxation and the Welfare State: Path Dependence and Policy Diffusion*. New York: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/cbo9780511510212

Kobayashi Y. 2000. *Citizen, Responsive Governmen*t. New York: JAL.

Oren I. 2013. *Our Enemies and US: America's Rivalries and the Making of Political Science*. Ithaca: Cornell University Press. https://doi.org/10.1007/s11615-004-0065-0

The Quality of Life in Confucian Asia – From Physical Welfare to Subjective Well-being. 2009. Ed. By T. Inoguchi, D.C. Shin. Dordrecht: Springer.

Anderson B. 2009. *Yashigara wan no soto-e* [Out of Coconut Palm Rice Bowl]. Tokyo: NTT. (In Jap.)

Banno J. 1996. *Kindai Nihon no kokka koso – 1871-1936* [The State Structure in Modern Japan – 1871-1936]. Tokyo: Iwanami shoten. (In Jap.)

Inoguchi T. 2010. *Nihon seiji no nazo: Tokugawa moderu o sutekirenai nihonjin* [The Enigma of Japanese Politics: The Japanese Who Cannot Throw Away the Tokugawa Model]. Tokyo: Nishimura Shoten. (In Jap.)

Maruyama M. 1964 (1946). Kagaku toshite no seijigaku [Political Science as a Science]. – *Gendai seiji ni shiso to kodo* [The Thought and Behavior of Contemporary Politics]. Tokyo: Miraisha. P. 341-359. (In Jap.)

Masumi J. 1990-1993. *Hikaku seiji* [Comparative Politics]. Vol. 3. Tokyo: Tokyo University Press. (In Jap.)

Royama M. 1949. *Nihon ni okeru kindai seijigaku no hattatsu* [The Development of Political Science in Modern Japan]. Tokyo: Jitsugyo no nohonsha. (In Jap.)

Tsujinaka Y. (ed). 2002. *Gendai Nihon no shimin shakai: rieki dantai* [Contemporary Japanese Civil Society: Interest Groups]. Tokyo: Bokutakusha. (In Jap.)

Uchida M. 2007. *Waseda seijigaku shi kenkyu: mou hitotsu no nihon seijigaku shi* [Research of Politics History in Waseda University: One more Japanese Politics History]. Tokyo: Toshindo. (In Jap.)

Литература на японском языке

ベネディクト・アンダーソン。ヤシガラ椀の外へ [Андерсон Б. *Ясигара ван-но сото-э* (Из кокосовой чаши)]. Токио: NTT сюппан, 2009.

坂野 潤治。近代日本の国家構想—1871-1936 [Банно Дзюндзи. *Киндай нихон-но кокка косо 1871-1936* (Государственное устройство современной Японии, 1871-1936)]. Токио: Иванами сётэн, 1996.

猪口孝 [Иногути Такаси]. 日本政治の謎:徳川モデルを捨てきれない日本人 [*Нихон сэйдзи-но надзо: Токугава модэру-о сутэкирэнай нихондзин* (Загадка японской политики: японцы, которые не могут уйти от модели Токугава)]. Токио: Нисимура сётэн, 2010.

丸山真男[Маруяма Масао]. 科学としての政治学 [*Кагаку тоситэ-но сэйдзигаку* (Политология как наука)]. 現代政治の思想と行動[Гэндай сэйдзи-но сисо то кодо (Современная политическая мысль и поведение)]. Токио: Мирайся, 1964. С. 341-359.

升味準之輔 [Масуми Дзюнносукэ]. 比較政治 [*Хикаку сэйдзи* (Сравнительная политика). 3 тт.] 東京: 東京大学出版会 Токио: Токио дайгаку сюппанкай, 1990-1993.

蝋山政道 [Рояма Масамити]. 日本における近代政治学の発達 [*Нихон ни окэру киндай сэйдзигаку-но хаттацу* (Развитие современной политической науки в Японии)]. 東京: 實業之日本社 Токио: Дзицугё-но нихонся, 1949.

内田満Утида Мицуру. 早稲田政治学史研究 : もう一つの日本政治学史[*Васэда сэйдзигакуси кэнкю: мо хитоцу-но нихон сэйдзигаку си* (Исследование истории политологии в Университете Васэда: еще одна история японской политологии)]. 東京: 東信堂 Токио: Тосиндо, 2007.

辻中 豊 [Цудзинака Ютака (ред.)] 2002. 現代日本の市民社会・利益団体 [*Гэндай Нихон-но симин сякай: риэки дайнтай* (Современное японское гражданское общество: группы интересов)]. 東京:木鐸社Токио: Бокутакуся.